

Часть I

Лена

1.1

Пока я пью растворимый кофе, который не люблю, но за неимением лучшего всегда соглашаюсь на суррогаты, Соня лежит на одеяле, расстеленном на полу, играет в тетрис, купленный на днях на барахолке, даже на секунду не отрывая взгляда, и говорит мне:

— Да все нормально у тебя, твоя жизнь изменится, все еще будет по-другому, я знаю, что говорю, я многое понимаю в жизни, посмотри на меня — я лежу, играю в тетрис за тридцать гривен, ничего не делаю и даю жизненные советы!

Соне двадцать два, и она младше меня на пару лет. У нее белая, почти прозрачная кожа в веснушках и родинках, копна кудрявых волос, нос с маленькой горбинкой, тонкая кость и невероятная (словно жалеющая всех) улыбка. Она работает на радио и встречается с моим братом. Я считаю, что ее жизнь удалась, а моя — нет, а она считает, что я нытик. Мы друг с другом соглашаемся. Мой брат в это время возится на кухне с новыми примочками и не имеет никакого желания вступать в наши беседы. Он предпочитает делать только то, что ему нравится, чего, увы, нельзя сказать обо мне.

Обо мне можно сказать многое, всего лишь понаблюдав за людьми, которыми я себя окружаю. Кажется, все свои недостатки я восполняю яркими достоинствами тех, кого люблю. Взять хотя бы моего младшего брата — вот кто ничуть на меня не похож. Вот с кого мне нужно брать пример, хотя родители всегда были уверены в обратном — мол, это ему бы стоило у меня многому поучиться, например рвению к учебе или усидчивости. А я бы с радостью отказалась от всех своих сомнительных достоинств в пользу главного таланта моего брата: делать то, что хочется, и не пытаться оправдывать чьи-либо ожидания.

Мы с Кириллом, Кирой, погодки — почти близнецы. Но я, хоть и старший «близнец», таковым ощущала себя недолго. Его основательность, серьезность не допускали покровительства. Мне же, наоборот, комфортно и удобно быть опекаемой. Когда мы стали подростками, он занял уверенную позицию взрослого брата, а я без боя сдала ему опеку над собой.

Общие интересы: книги, музыкальные группы, фильмы, игры. Разговоры и ссоры, драки — тоже общие: кто кого больней ущипнет за руку, кто тише сквозь зубы прошипит оскорбление, чтобы родители не услышали, кто через десять минут уже приходит мириться, как ни в чем не бывало протягивая бутерброд или сообщая, что через пять минут начнется «Дисней».

Еще в детстве брат выбрал меня в качестве человека, к которому нужно приклеиться и не отпускать. До пяти лет этот странный ребенок не разговаривал ни с кем, кроме меня, да и для меня оставался шкатул-

кой с секретом. Я учила его читать, а он упорно молчал, словно совершенно ничего не понимал, чертов маленький социопат. В один прекрасный день, буквально за месяц-два до первого класса, когда родители уже почти били тревогу из-за его неудач в чтении, он, дождавшись, когда в гостиной соберется семья в полном составе, взял с полки книгу и в полный голос, важно и внятно прочел: «Мир вокруг нас». Восторженные возгласы родителей, объятия и поздравления. Никто так не радовался, когда в пять лет я уже читала трехтомник Пушкина и сказки Салтыкова-Щедрина. Любое достижение Кириллы воспринималось как нечто из ряда вон выходящее. Нечто гениальное, немыслимое, словно никто не делал так до него. Все, что делала я, воспринималось как должное и редко заслуживало похвалы. Мне всегда казалось, что я — эдакий первый блин комом, первый ребенок, бета-версия, на которую возлагается масса надежд, но оправдывает их лишь следующая, исправленная и улучшенная. Это меня отдали в музыкальную школу в шесть лет, это со мной ежедневно сидела за фортепиано мама, но это мой брат наиграл в девять лет на пианино одним пальцем «Я иду, шагаю по Москве», не зная нот совершенно, и в этот момент все поняли, что он будет музыкантом. И не ошиблись.

Конечно, я завидовала ему. Но больше — восхищалась. Мой антипод: его невозмутимость против моей суетливости и мнительности, его конкретизация желаний и целей — против моей мечтательности и неопределенности, его независимость — против моей

нужды в одобрении окружающих. Красивый, изящный, с низким глубоким голосом, он заставлял весь мир вертеться вокруг себя. Талантливый, особенный, неординарный, не такой, как все, — вот эпитеты, которые применялись к этому золотому мальчику. Про меня говорили: упрямая, работающая, ответственная. О, с какой радостью я променяла бы свою скучную положительность на эту яркую непредсказуемость!

Детьми мы бесконечно ссорились и даже дрались, но практически ни на секунду не расставались. Вместе круглыми сутками слушали радио «Юность», копили деньги на пиратские кассеты с «Кино», «Агатой Кристи», «Нирваной» и «Металликой», не спали до утра, чтобы не пропустить утренний выпуск «Акул пера»¹ с любимой рок-группой, по очереди катались на стареньком велосипеде вокруг дома, ездили в школу — сначала на метро с пересадками, затем на трамвае, учили сольфеджио, проявляли в темной ванной фотографии, разучивали на два голоса песни, генералили в квартире, когда родители уезжали в командировку, предварительно разнеся ее в клочья, варили компот из винограда и рябины, делали котлеты из баклажанов, пекли каменное печенье с корицей, ждали «Альфа» по воскресеньям, слушали родительские пластинки — «Pink Floyd», «R.E.M.», «Черный кофе», «Космическую оперу» Маруани, а затем купили свой первый кассетный магнитофон. Я играла на пианино,

¹ «Акулы пера» (1995—1998) — ток-шоу о музыке на телеканале «ТВ-6».

а он — на кларнете, и когда соседка сверху доставала нас стуком по батарее во время репетиций, я клала на струны одеяло, а брат обматывал кларнет полотенцем. Все это время мы почему-то считали, что люто ненавидим друг друга, и нам понадобилось разъехаться, чтобы понять, что все совершенно наоборот. Что никто так не знает и не понимает нас, как мы друг друга. И что у нас много общего. Да что там — почти все. Даже друзья и те — одни на двоих.

Теперь мы взрослые и живем в разных домах — наша мама после смерти отца постоянно, даже зимой, обитает на даче. Мне как старшей наследнице достались в полное владение родительские апартаменты на улице Дарвина, в которых прошла вся моя жизнь, — большая, просторная квартира с высокими потолками, деревянными рамами и воющими трубами, скрипучим паркетом, неизменной стремянкой на балконе, без которой не выкрутить лампочку и не добраться до антресолей. Кириллу была куплена маленькая, но уютная квартира около Ботанического сада, в которой он жил со своей девушкой, рыжей тонкой Соней. Оба они были моими лучшими друзьями. А еще у нас был Саша — друг детства, с которым мы были знакомы так долго, что каждый раз, пытаясь подсчитать и загибая пальцы, я сбивалась со счета.

Детство ведь не требует причин и объяснений — в том числе и для дружбы. Никто из нас уже не помнит, как получилось, что сын нашей учительницы по сольфеджио стал приходить к нам домой, ждать нас на скамейке около подъезда, пылесосить наши ковры,

гулять с нашей собакой, притаскивать двадцать бутылок лимонада зараз, мыть посуду, предварительно закатав рукава рубашки, а затем невозмутимо открывать родительский холодильник в поисках еды. Он будто взял над нами шефство. Со стороны могло казаться, что общение с нами для него сродни обязательству или повинности, но его никто ни к чему не принуждал. Как-то, когда мы все уже были взрослыми, я спросила его, почему он вдруг начал возиться с нами, ведь мы были для него малышами, на что он ответил: «Вы были такими забавными и дружными, мне хотелось вас опекать. Ну и, наверное, мне всегда не хватало братьев и сестер». Так и повелось: мы ходили в одну школу, играли в одни игры, ездили летом на велосипедах на речку каждый день, зимой бегали кататься с большой горки, построенной на площади, на майские праздники ждали до заката, пока на белой стене Дома культуры не начинались показы мультфильмов. Это было совсем несложно — дружить детьми. Вот мы и дружили.

Все любили Сашу. Упрямый, но обаятельный. Угрюмый, но артистичный. Высокий, худощавый, но широкоплечий, с сильными руками, тонкими пальцами. Воротник рубашки всегда чуть ослаблен, пиджак чуть помят, волосы чуть взъерошены. Когда он говорит, то смотрит немного мимо тебя: меня эта манера порой невероятно злила, влюбленных же в него одноклассниц очаровывала, и я понимала, почему это срабатывало: сразу хотелось добиться расположения этого снисходительного красавца. О, он был магнитом для милых,

неуверенных в себе девочек! Если бы я не знала, что он мой лучший друг, то посчитала бы, что он со мной немного заигрывает: если и посмотрит прямо в глаза — то тут же ухмыльнется и отведет взгляд, и я никак не могла понять, от смущения или презрения. Но на самом деле не было в его действиях никакого коварного расчета — просто он был таким: цельным, не расплескивающим ни свою симпатию, ни даже ненависть. Для других он оставался вещью в себе, мне же он был близким и потому понятным — например, я чувствовала, когда Саша кого-то недолюбливал, даже если казалось, что он никак не проявляет свои чувства.

По утрам, когда мы шли в школу, Саша встречал нас у подъезда в одной и той же позе: стоял, прислонившись к стене, руки в карманах, бросал «Привет!» сквозь зубы и даже не удостоивал взглядом, лишь одним плечом показывая — пошли, мол. Такой же молчаливый, как и Кирилл. На их фоне я заслуженно имела славу говорливой девочки. В наших походах я не умолкала ни на секунду, тараторя все, что приходило мне в голову. Лишь изредка, когда все уставали от моего информационного потока, Саша говорил сурово: «Ленка, выключись!» — и я обиженно умолкала, правда, ненадолго. Затем они сами с братом начинали уговаривать меня что-то рассказать. Однажды Саша был у нас в гостях и мы чертовски поссорились. В сердцах я выкрикнула: «Не таскайся за нами! Не приходи больше!» — и вмиг пожалела о сказанном. Он побагровел и пулей вылетел из квартиры. Я прорыдала полночи, думая, что никогда

больше не увижу единственного настоящего друга. Но наутро, когда мы с Кирой вышли из подъезда, я снова увидела его, стоящего как ни в чем не бывало, ждущего нас. «Привет!» — буркнул он в обычной манере, а я едва не расплакалась от благодарности, что он вернулся и делает вид, будто ничего не произошло. Мне всегда капельку льстил его интерес к нам — детям помладше: когда тебе шесть лет, а твоему лучшему другу — девять, это делает тебя чуть важнее, выше в глазах ровесников. Да и в собственных.

И все же я помню день, когда впервые задумалась о том, почему в нашей с братом жизни присутствует Саша. В тот день папа подарил нам собаку. «Однажды папа принес щенка» — какая простая фраза. Насколько слова могут точно описывать событие, но при этом не отображать его масштабность. Все было совсем не так. Это предложение нужно читать медленно, разделяя слова, громче с каждым новым слогом. Однажды. Папа. Принес. Щенка!!! Щенок оказался немецкой овчаркой женского пола. Мы с братом назвали его Анной, напоили молоком и повели гулять. Саша уже ждал нас у подъезда. Сидел на скамейке, чуть откинувшись назад и оперевшись на нее руками. В зубах — колосок. Я прыснула, сразу догадавшись, откуда у него новая манера — на днях мы все вместе, с Кирой и Сашей, впервые посмотрели «Хороший, плохой, злой» с Клинтом Иствудом, который на протяжении ленты не выпускал изо рта сигару. Я полфильма зевала, а мальчишки, конечно же, помешались после просмотра на ковбойской тематике. Саша

вмиг понял, почему я хохочу, и сердито, не скрывая пренебрежения, в ответ кивнул на собаку:

— Это еще что?

— Это, Сашенька, еще кто! — скривилась я в ответ. — И вообще, нам некогда, мы выгуливаем собаку.

— Угу, — поддакнул Кирилл и почему-то тяжело вздохнул.

Саша лениво поднялся.

— Ну идем. Выгуливать твою собаку.

Собака моя оказалась на редкость глупой. На имя Анна она не отзывалась и радостно бежала за любым прохожим, стоило тому причмокнуть губами. Я надрывалась, крича «Аня, ко мне!», злилась и топала ногами. Саша наконец выплюнул колосок.

— Ты! — вдруг гаркнул он. — Аня? Ко мне. Живо.

И она пошла за ним. И больше ни за одним прохожим и не думала идти. А Саша на нее даже не смотрел — шел себе вперед неторопливо, держа руки в карманах. Как и моя собака, так же покорно шла за ним я. За мной, все еще тяжело вздыхая, шел маленький Кирилл. Мы обогнули дом, прошли через парк — к полю — и шли среди колосьев, трогая ладонью их острые кончики. Странная молчаливая процессия — трое и собака. Я смотрела в Сашину спину и думала: «Почему его слушается даже моя глупая овчарка?» А он шел себе, лениво покачиваясь, ни разу не обернувшись, и вдруг в полный голос запел глупую и пошлую «Не обижай, не обижай жениииих девчонку-малолееееетку». Я тут же закрыла себе рот ладонями, чтобы не расхохотаться, но громко прыснула.